

С. С. Сай

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**НЕКАНОНИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ
МНОГОМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ:
ОПЫТ КВАНТИТАТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Предлагаемое исследование находится в русле непрекращающихся дискуссий о соотношении структурно-синтаксического, семантического (ролевого) и лексического начал в формировании аргументной структуры клаузы.

Объектом исследования является неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов, а конкретнее, те классы предикатов различных языков, которые, являясь двух- или более местными, задают в своей базовой диатезе структуру, отклоняющуюся в плане средств кодирования актантов от канонической переходной (ср. для русского *достигать*, *зависеть*, *махать*, *нравиться*, *надеяться*). Само выделение такого объекта исследования опирается на небесспорное, но все же принимаемое в рамках проекта допущение, что в любом языке возможно однозначное установление канонической переходной конструкции. О свойствах переходных конструкций и о различных грамматических факторах, способствующих отклонению от переходности, в лингвистике накоплено немало сведений [Hopper, Thompson 1980; Kittilä 2002; Næss 2007]. Гораздо меньше известно о кросс-лингвистически регулярных **лексических** свойствах предикатов, употребляющихся в составе неканонических многоместных аргументных структур. Не в последнюю очередь это связано с тем, что соответствующие классы глаголов зачастую характеризуются лишь по отрицательному признаку, как отклоняющиеся от переходного прототипа (см., например, [Tsunoda 1981: 393]). Типологическое

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 11-04-00179а «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках». Предлагаемый фрагмент исследования был осуществлен в рамках продолжающегося коллективного проекта, всем участникам которого автор выражает глубокую признательность.

изучение свойства актантных классов предикатов, выделяемых в отдельных языках, затрудняется тем, что для них невозможна процедура межъязыкового отождествления напрямую, так как невозможно напрямую отождествить конкретные средства кодирования. Имеющиеся типологические сведения об актантных классах неканонических многоместных предикатов в основном связаны либо с изучением типологии конкретных грамматических форм (см., например, [Van Belle, Van Langendonck (eds.) 1996], где собрана исчерпывающая информация о «дативе» как кросс-лингвистической категории), либо с изучением актантных свойств предикатов отдельных семантических зон (см., например, исследование аргументных структур, задаваемых экспериенциальными предикатами, в [Haspelmath 2001]), но не с типологическим изучением актантных классов как таковых.

Проект, выполняемый в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, нацелен на заполнение обозначенной лакуны. Основой проекта является анкета, включающая 130 предложений-стимулов; при помощи этой анкеты для каждого обследуемого языка устанавливается, какие из 130 изучаемых предикатных смыслов выражаются в нем глаголами, задающими неканоническую многоместную структуру, и в какие группы объединяются соответствующие лексемы. Методологическая новизна исследования определяется следующим рассуждением: вопрос о том, задают ли глаголы, соответствующие предикатному смыслу P в языках L1 и L2, одинаковые аргументные структуры в этих языках, априорно некорректен; при этом корректны — и именно они и исследуются в рамках проекта — вопросы следующего типа: верно ли, что предикатным смыслам P1 и P2 в языке L1 соответствуют идентичные актантные структуры? Если да, то верно ли это также для языка L2? И т. д.

Предлагаемый фрагмент исследования опирается на результаты квантитативной обработки данных, полученных для первых 16 языков, для которых были собраны анкеты. Данные для этих языков преимущественно были получены путем работы с информантами, в ряде случаев с привлечением словарных сведений. На данный момент собраны данные по следующим языкам (в скобках указываются фамилии участников проекта, собравших

и обработавших данные): арабский (Р. Г. Мамедшахов), багвалинский (Д. В. Герасимов), баскский (Н. М. Заика), башкирский (С. С. Сай), гуарани (Д. В. Герасимов), ингерманландский финский (Д. Ф. Мищенко), калмыцкий (С. С. Сай), кхмерский (С. Ю. Дмитренко), литовский (Н. М. Заика), немецкий (С. Бирцер), русский, тувинский (С. А. Оскольская), французский (Е. Е. Корди), цахурский (Д. В. Герасимов), эстонский (И. П. Кюльмоя), японский (Ю. Конума).

К числу основных промежуточных результатов исследования можно отнести следующие.

1. Для изученных языков на материале анкеты посчитана доля двухместных непереходных от общего числа глагольных предикатов из анкеты. Этот показатель демонстрирует значительный типологический разброс: эстонский (0,65), ингерманландский финский (0,64), башкирский (0,57), литовский (0,54), русский (0,54), тувинский (0,53), багвалинский (0,53), цахурский (0,45), немецкий (0,42), японский (0,42), калмыцкий (0,42), арабский (0,40), баскский (0,38), французский (0,37), гуарани (0,30), кхмерский (0,25). Приведенные абсолютные числа сами по себе не являются показательными, т. к. всецело зависимы от подбора предикатов анкеты, однако полученная **иерархия языков** отражает важный параметр типологического варьирования (и, возможно, в будущем позволит сделать определенные ареально-типологические обобщения, ср., например, данные [Bossong 1998] о склонности языков средне-европейского стандарта к переходному кодированию экспериментальных предикатов).

2. В ходе проекта построена **иерархия** изучаемых **предикатов** по вероятности неканонического кодирования актантов. Анализ данных позволяет строить нежесткие имплицативные закономерности типа следующей: «если в языке L предикат со значением ‘слушать’ задает непереходную структуру, то и предикат со значением ‘верить’ задает непереходную структуру (обратное неверно)».

2а. Реальность выявленной иерархии предикатов проявляется в том, что при попарном сопоставлении менее и более склонных к непереходности языков обнаруживается, что предикатная лексика демонстрирует своего рода «концентрические

круги»: о неканонических предикатах «более переходных» языков в целом можно сказать, что они тем более оказываются неканоническими в «менее переходных языках». Ср., например, данные для литовского и французского:

Таблица 1. Переходность vs. 2-хместная непереходность:
литовский и французский

		литовский: vt	литовский: vi
французский	vt	44	19
	vi	5	28

Данные, приведенные в таблице, позволяют заключить, что непереходность предиката во французском позволяет с большой степенью надежности предсказать непереходность в литовском.

2б. Распределение предикатов по группам в зависимости от доли языков, в которых соответствующие глаголы являются переходными, оказывается бимодальным, другими словами, оказывается невелико число предикатов со средним «коэффициентом переходности».

Таблица 2. Распределение предикатов
по выраженности тяготения к переходности

«Коэффициент переходности»	Количество предикатов
100%	22
67%–92%	27
34%–66%	14
9%–33%	28
0%	26

Такое распределение противоречит математическим ожиданиям, которые возникали бы в случае зависимости изучаемого параметра «переходности» от большого множества не связанных друг с другом частных факторов. Таким образом, в семантическом отношении непереходные многоместные глаголы, как и переходные глаголы, образуют сравнительно четко выделяемый «естественный класс».

3. При анализе предикатов актанты различались (в ряде случаев несколько условно) по положению на иерархии одушевленности

и агентивности. Актант, занимающий более высокое положение на этих иерархиях, обозначался как X, оставшийся центральный актант — как Y. Такое рабочее противопоставление позволяло ставить вопрос о «локусе отклонения от канонической схемы» для переходных двухместных глаголов. Под «локусом отклонения» понимался тот актант, кодирование которого отличается от кодирования, наблюдаемого в переходной конструкции (так, например, у русского глагола *нравиться* это X, а у глагола *махать* это Y).

За. Было установлено, что типологически крайне редки конструкции с двумя локусами, хотя они и логически, и эмпирически возможны. Содержательно это означает, что отклонение от переходности обычно обусловлено специфическими свойствами какого-то одного из актантов, который и оказывается «локусом» (ср. [Malchukov 2006]).

Зб. В проанализированной выборке языков среди обнаруженных глаголов с неканоническим кодированием безусловно преобладающим локусом (и по количеству предикатов, и по количеству фиксируемых способов кодирования) оказывается Y, менее одушевленный и менее агентивный участник. Осмысление этого факта требует расширения выборки.

Зв. Хотя X-локус в целом сравнительно редок (в среднем по выборке он фиксируется для 6,6% предикатов, при том что Y-локус характеризует в среднем около 40% предикатов), существует небольшой круг предикатов, для которых он оказывается типологически характерен. Среди предикатов выборки в эту зону входят 'нравиться', 'болеть (у кого что)', 'недоставать', 'быть достаточно, хватать' (у всех этих глаголов X-локус фиксируется в 2/3 или большей доли от тех языков, для которых получены данные), отчасти 'нуждаться', 'сниться', 'оставаться' (от 1/3 до 2/3); еще 14 предикатов обнаруживают X-локус в одном-двух языках; все оставшиеся предикаты не демонстрируют X-локус ни в одном языке выборки. Можно сделать вывод о том, что X-локус характеризует семантически весьма четко очерченную группу предикатов, связанных с семантикой обладания, и отчасти неконтролируемые когнитивные предикаты (эмотивные и перцептивные).

4. Введена математическая мера предсказуемости модели оформления конкретного предиката в языке L2 на основании

данных языка L1. Эта величина колеблется от 0 (правильное предсказание аргументной структуры невозможно из-за абсолютной уникальности соотношения актантных характеристик соответствующих глаголов в двух языках) до 1 (конкретный предикат входит в L1 в такой актантный класс, что все его члены в L2 требуют одинаковой актантной структуры).

4а. Подсчет для направленной пары языков среднего значения названной величины по выборке предикатов позволяет прийти к количественной мере, отражающей надежность «проецирования» актантных структур L1 на актантные структуры L2 (так, например, устанавливается, что по данным выборки принадлежность русского глагола к определенному актантному классу позволяет предсказать актантные свойства соответствующего литовского глагола с точностью 64%). Как и в ряде других случаев, сами получаемые величины принципиальным образом зависят от состава выборки предикатов и их абсолютные значения не отражают какой-либо реальности; однако **сравнение** полученных показателей для различных пар языков позволяет ставить и решать вопрос о том, актантные системы каких языков демонстрируют больше и, соответственно, меньше лексического параллелизма. Так, в частности, коэффициент взаимной предсказуемости актантных структур для пары из русского и литовского оказывается выше, чем для пары из русского и эстонского, тот в свою очередь выше, чем для русского и японского, и т. д.

4б. Подсчет для отдельно взятого предиката среднего значения той же меры предсказуемости в различных парах языков позволяет измерять степень предсказуемости, т. е. в конечном счете семантической мотивированности, актантных рамок, типичных для различных предикатов. Так, например, в ходе исследования устанавливается, что симметричные предикаты ('знакомиться', 'ссориться') во всех рассмотренных до сих пор языках демонстрируют очень высокую степень однородности и сравнительной изолированности от других типов предикатов; оформление же, например, актантов многих предикатов когнитивной сферы ('забыть' и т. п.) очень часто оказывается непредсказуемо, связано с индивидуальными особенностями конкретных лексем в конкретных языках. Таким образом, делается вывод о том, что абстрактная характеристика глагола в терминах «семантических ролей» оказывается

сильным предсказующим фактором для кодирования аргументов в одних лексических зонах и очень слабым — в других.

Литература

- Bossong 1998 — G. Bossong. Le marquage de l'expérience dans les langues d'Europe // J. Feuillet (ed.). Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin: Mouton de Gruyter. 1998. P. 259–294.
- Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. Non-canonical marking of core arguments in European languages // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. (eds.). Non-canonical Marking of Subjects and Objects. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 53–83.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 2, 1980. P. 251–299.
- Kittilä 2002 — S. Kittilä. Transitivity: Towards a Comprehensive Typology. Turku: Turku University, 2002.
- Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, Valency and Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 175–190.
- Næss 2007 — Å. Næss. Prototypical Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense / aspect / mood // *Linguistics* 19, 5–6, 1981. P. 389–438.
- Van Belle, Van Langendonck (eds.) 1996 — W. Van Belle, W. Van Langendonck (eds.). The dative. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1996.